

Йен Бэнкс

ЧИСТИЛИЩЕ

Телевизор был антикварный, в деревянном корпусе, с тонким стеклянным пузырем вместо экрана, и показывал он монохромные изображения. Сейчас на экране можно было увидеть примерно полдюжины темных предметов, походивших на усаженные крюками и зубцами наконечники копий. Они неслись вниз с темных небес, озаряя все вокруг световыми сполохами.

Он протянул руку к панели управления и выключил его.

Доктор постучала ручкой по планшету.

Лицо ее было бледным, коротко подстриженные волосы — каштановыми. На переносице — очки.

Она была в официальном сером костюме и накинутом поверх него белом медицинском халате.

Он же был облачен в обычную военную форму.

Он прикинул, что должен быть примерно вдвое старше ее.

— Лучше досмотрите до конца, — сказала она.

Он удостоил ее презрительного взгляда, но со вздохом обернулся и включил телевизор снова. Темные копья продолжили полет. Их взаимное расположение в пространстве все время менялось по мере того, как они с ревом и свистом проносились через то, что могло быть воздухом — или же нет. Камера сфокусировалась на одном, наехав прямо на него, в то время как остальные уплыли за рамку кадра. Когда предмет пролетел мимо того, на чем была установлена камера, ракурс сместился, и трансляция продолжилась так, чтобы не упускать его из виду. Экран залило ослепительное сияние.

Качество картинки оставляло желать много лучшего, она была зернистая и зашумленная, так что смотреть запись было бы пыткой даже в цвете, а в черно-белом варианте — и подавно. Теперь он едва различал формы копеечных наконечников. Об их присутствии в кадре можно было догадаться лишь по теням, время от времени пробегавшим через реки, озера и моря света далеко внизу. Ему показалось, что от этих источников света отделилась ослепительная точка, устремившаяся навстречу падавшим с небес предметам. Наконечник, за которым следила камера, по мере приближения сияющей точки крутился, мерцал и менял направление полета все более и более беспорядочно. Еще дюжина световых точек поднялась снизу, за ними еще какая-то более крупная светящаяся форма, и другая. Едва видимые в углу экрана, где картинка порядком искажалась, все новые и новые искры летели навстречу и наперерез другим наконечникам. От трех таких искр предмет, за которым следила камера, увернуться сумел, но следующая поразила его. Мгновением позже предмет на добрых три четверти длины утонул в облаке света, скрывшем от наблюдателей заодно и картину творившегося внизу. Потом экран полыхнул таким яростным светом, что даже в таком отвратительном качестве съемки глазам стало больно, и погас.

— Вы удовлетворены? — поинтересовался Ватуэйль.

Молодая доктор не ответила, но сделала какую-то пометку в своих бумагах.

Ничем не примечательный кабинет был заставлен ничем не примечательной мебелью. Они сидели на двух дешевых стульях друг против друга. Их разде-

лял стол, на котором и был установлен архаичный телевизор. Кабель питания, свернутый буквой S, уходил по полу прямо в стену. Окно с частично открытыми жалюзи выходило на выложенную белой кафельной плиткой стену светового колодца. Плитка выглядела грязной и унылой. В колодце царил сумрак. Через потолок кабинета тянулась то и дело мигавшая флуоресцентная трубка. В ее свете лицо девушки приобретало нездоровый оттенок. Впрочем, он и сам выглядел ничуть не лучше, хотя кожа у него была темнее.

У него было смутное, странно контрастировавшее с абсолютно обычной для наземных построек архитектурой этой части здания, ощущение, что кабинет, а с ним и световой колодец покачиваются вверх-вниз. В колебаниях этих была какая-то периодичность, и Ватуэйль попытался определить величины интервалов — их вроде как было не меньше двух: один более длинный, в пятнадцать-шестнадцать ударов сердца, а другой покороче, длившийся около трети этого промежутка. Он измерял их ударами сердца за неимением каких-то иных средств: ни часов, ни терминала, ни телефона. У доктора часы были, но слишком маленькие, чтобы он мог на них что-то различить.

Они, должно быть, на корабле или на барже. Может быть, в каком-то плавучем поселении. Он понятия не имел, где точно. Собственно, он пришел в себя уже здесь, в этом безликом кабинетике, сидя на дешевом стуле и бездумно глядя, как старый прибор под названием *телевизор* передает видеозапись низкого разрешения. Он успел уже осмотреться кругом и сделать некоторые выводы. Дверь заперта. Световой колодец уходит вниз еще на четыре этажа и оканчивается крошечным двориком, заваленным опалью. А девушка в халате врача просто сидит здесь и наблюдает за ним, делая какие-то записи в своем блокноте и на планшете, когда он озирается вокруг. Ящики единственного в комнате стола тоже заперты, как и стальной по виду шкафчик для документов с навесным замком. Ни телефона, ни комм-экрана, ни терминала. Вообще ни единого признака, что кто-то подслушивает, анализирует происходящее здесь... или же может прийти на помощь. Мать вашу, да тут даже выключателя потолочной лампы нет.

Он поглядел вверх, на то, что должно было быть подвесным потолком. Ну что же, пора выбираться отсюда.

— Просто скажите мне, о чем вы хотели бы узнать, — предложил он.

Девушка сделала еще одну пометку в блокноте, затем закинула ногу на ногу и спросила:

— А о чем, как вы думаете, нам хотелось бы узнать?

Он медленно растер руками лицо, сперва нос, затем щеки и уши.

— Н-ну, — начал он, — я не знаю. А вы?

— Почему вы думаете, что нам от вас что-то надо?

— Я напал на вас, — сказал он, указав на деревянную коробку с выдававшимся из нее экраном. — Это был я — там — я был той штукой, которая атаковала вас.

Он махнул рукой.

— Но я не справился с задачей. И вряд ли кому-то из нас это удалось. И вот я здесь. Что бы вы ни сохранили из того, что от меня оставалось, вы можете узнать все, что вам нужно, просто посмотрев код и разобрав его на биты, если потребуется. Я — моя личность — вам вообще без надобности, так что — теряюсь в догадках, почему я здесь. Наверное, вам все еще что-то от меня нужно. Что

же? Или это всего лишь первый круг Преисподней, и я пребуду здесь до конца времен, моля о смерти?

Доктор сделала еще одну запись в блокноте.

— Может, вам стоит посмотреть телевизор еще немного? — предложила она.

Он тяжело вздохнул.

Девушка включила телевизор. На экране возник темный наконечник копья, летящий с расколотых молниями небес.

*

— Вы солдат? — спросила доктор.

Глаза Ватуэйля округлились в притворном изумлении.

— Да, пожалуй. Солдат, офицер флота, пехотинец, техник летательного аппарата, подводник, космофлотец, солдат вакуумной пехоты, бестелый интеллект в хитрой машине для убийства, кусок программного кода — все вышеперечисленное. Для вас это новость? Есть, знаете ли, такая хрень, как Военная Конвенция, док, и в соответствии с ней меня нельзя пытать или безнаказанно влезать в мою личность. И пусть вы заполучили мой код и все, что в него напихано, однако лазить в моем сознании и гонять его по симуляторам вам возбраняется — уж для пыток и наказаний так точно.

— Вы чувствуете себя наказанным за что-то?

— Зависит от того, как долго все это будет продолжаться, — пожал он плечами.

— И как долго это продлится, по вашему мнению?

— Не знаю. Я тут ничем не распоряжаюсь.

— А кто распоряжается, как вы думаете?

— Вы. Ваша сторона конфликта. Может быть, и вы лично, в зависимости от того, что вы такое или кого представляете. О, кстати — а кого вы здесь представляете?

— Кого же я представляю, как вы думаете?

Он вздохнул.

— Вам никогда не надоедает отвечать вопросом на вопрос?

— Вы думаете, что мне это может надоесть?

Он усмехнулся краем рта.

— Да.

Он не мог понять, зачем вообще оказался здесь. У них в распоряжении его программный код, им известно все с того самого момента, как он попал сюда. Ничто из того, с чем он явился сюда, не могло от них ускользнуть. Вообще-то такое развитие событий планом не предусматривалось. Существовала специальная подпрограмма, чьей задачей было стереть его личность и все воспоминания, а заодно и всю технико-тактическую информацию, как только станет понятно, что он — в обличье темного копья, падающего с небес — вряд ли переживет самоубийственный рейд. Будь он полностью разрушен, это не имело бы значения, но если бы от него все же что-то оставалось, следовало позаботиться, чтобы это "что-то" ни в коем случае не попало в руки Врага.

Но иногда подпрограммы не срабатывали вовремя. Он слышал о таких случаях. Им не полагалось быть *слишком* чувствительными, иначе вероятность ложных срабатываний была бы чересчур высока. Вот это, надо полагать, и случилось с ним. Ошибка. Он попал сюда по ошибке.

Впрочем, он не видел в этом особых поводов для беспокойства. Он успел уже, сидя в безликом кабинетике напротив молодой врачихи, перерыть всю память, что у него еще оставалась, и не нашел там ничего, относящегося к миру за пределами комнаты.

Он знал, кто он такой. Его звали майор Ватуэйль. Он провел многие десятки лет в огромной военной симуляции, запущенной взамен реальной войны между Гееннистами и Альтруистами. Но воспоминания о миссиях, предшествовавших злополучному рейду, были крайне смутными, а о том, что происходило *между* заданиями, он не мог вспомнить вообще ничего. Но так и должно было быть. Его базовая личность — ядро, спрятанное за семью замками в самых надежных цитаделях Альтруистов, запущенное в самых проверенных вычислительных субстратах, — училась на ошибках копий, отряженных в каждую из этих миссий. Очистившись от них и сделав необходимые выводы на будущее, она загружала себя в следующую итерацию, и так далее. Ничто способное скомпрометировать его лично или сторону, на которой он воевал, не должно было просеяться сквозь это сито. Каждая версия его личности, как бы она ни выглядела в Виртуальной Реальности, чем бы ни становилась — подобием человека, машины или просто фрагментом самомодифицирующегося программного кода, выбиравшим себе личину в зависимости от нужд конкретного симулированного окружения, — проходила тщательный контроль перед тем, как отправиться на поле боя, чтобы в руки Врага в случае провала не попало ни бита ценной информации. В общем, пользы от него им тут не было решительно никакой, и все же он оказался здесь. Зачем? С какой стати? Как с ним поступят?

— Как вас зовут? — спросил он девушку.

Он выпрямился на стуле, набычившись, уставился ей в лицо, представил на ее месте салагу-рекрута, которого полагалось прилюдно отчитать на плацу, и вложил в голос всю командирскую строгость, на которую был сейчас способен.

— Я требую, чтобы вы назвали мне свое имя или идентификатор.

— Сожалею, — сказала доктор ровным тоном, — я не обязана его называть.

— Да нет, обязаны.

— Вы думаете, что вам от этого станет легче?

— А вы так и будете отвечать вопросами на вопросы?

— Вы думаете, что я здесь за этим?

Он впился в нее взглядом и представил, как бросается на нее через стол и дает хорошенькую затрещину. Или швыряет на пол. Или выбрасывает в окно. Или душит выдернутым из старинного телевизора шнуром питания. Как далеко ему позволят зайти в каждом из этих сценариев? Что произойдет после этого? Может, симуляция просто прервется? А вдруг *здесь* она несоизмеримо сильнее его — и ответит так, что ему мало не покажется?

Или ворвется охрана и скрутит его в бараний рог?

Или ему просто позволят дойти до конца и предоставят расхлебывать последствия?

Хм, а ведь это может быть испытанием. В конце концов, врачей и гражданских трогать нельзя... а ему только что этого захотелось. Ох, как захотелось.

Это с ним произошло впервые.

Ватуэйль перевел дыхание, успокоил сердцебиение и вежливо спросил:

— Могу ли я узнать ваше имя?

Девушка улыбнулась и постучала ручкой по планшету.

— Меня зовут доктор Меджейар, — сказала она, что-то записав у себя в бумагах.

Ватуэйль не обратил на это особого внимания и едва расслышал, как она назвала свое имя.

Он вдруг начал понимать, что в действительности происходит.

— Вот же блядь, — не сдержавшись, тихо выругался он сквозь зубы.

— Простите? — переспросила доктор.

Он невесело улыбнулся.

— Вы на самом деле не обязаны были называть мне свое имя?

— Получается, что так, — согласилась она.

Он продолжал улыбаться, но теперь улыбка скорее походила на волчий оскал.

— И, в соответствии с протоколами конфликта, в согласии с теми документами, что я подписывал, меня можно наказывать — даже пытаться, может, не так сильно, однако любой гражданский от такого бы уже давно штаны обмарал.

— И вы хотите сказать...

— И это... — Он показал на телевизор, включенный теперь на пустом канале.

— Камера. Запись. Приемник. Вся эта рухлядь, вы это нарочно, не так ли?

— Мы это?

— И ни одного кадра, снятого *снизу*, — закончил он и оглушительно расхохотался, похлопывая себя руками по бедрам. — Тысяча чертей, я должен был быть внимательнее. То есть я это для себя отметил, но не думал, что все так... этот дрон, камера, все это — они же были с нами, мы *летели вместе!*

— Правда?

Он откинулся на спинку стула и прищурился.

— Так почему я тут? Почему я помню не больше, чем мог бы вспомнить, оказавшись в плену?

— И каков же ответ, по вашему мнению?

— Думаю, я под подозрением, хотя не могу понять, почему, — он передернул плечами. — Полагаю, в отношении меня ведется расследование. Или, может быть, это просто дополнительная проверка, о которой мы ничего не знаем, пока впервые не пройдем ее сами. Хотя нет. Вполне вероятно, что это рутинная процедура. Просто нам стирают память о ней, так что каждый раз мы удивляемся, как в первый.

— Вы полагаете, что в отношении вас могли учинить разбирательство?

— Нет, — сказал он тихо. — Я всегда был предан нашему делу. Я был верен ему всей душой и служил, прилагая все силы, больше... тридцати?.. лет. Я верю, что наше дело правое, и мы победим. Какие бы вопросы вы ни хотели мне задать, я отвечу на них охотно. Какие бы подозрения у вас ни возникли относительно меня, я смогу их развеять.

Он рывком встал со стула.

— Если вопросов нет, я бы хотел уйти.

— Вам кажется, что вы сможете отсюда уйти? — уточнила она.

— А то как же.

Он направился к двери.

Пол под ним едва заметно покачивался, это и было то самое чуть заметное, долгопериодическое колебание вниз-вверх. Он взялся за ручку.

— Как вы думаете, что там, за дверью?

— Не знаю. Но есть вполне очевидный способ это установить.

Он нажал на ручку. Заперто.

— Пожалуйста, доктор Меджейар, — сказал он, обернувшись к ней, — если вас не затруднит...

Несколько секунд она смотрела на него без всякого выражения, затем опустила руку в карман белого халата, достала ключ и бросила ему. Он поймал его в воздухе, повернул в замке и открыл дверь.

Доктор Меджейар подошла и встала за его спиной, пока он, застыв в неподвижности, смотрел на то, что было за порогом. В комнату ворвался свежий ветер. Внезапный порыв прижал его военную форму к телу и взъерошил короткие волосы девушки.

Он смотрел в непроглядную зелень. Далеко наверху ее свод чуть заметно искривлялся, там были облака — белые на синем. У его ног простирался ковер зеленого мха. А прямо впереди, внизу, слева, справа — во все стороны, насколько хватало глаз, — тянулись сучья и ветви, шумели листья и цвели цветы огромного, немыслимого дерева. На том уровне, где он сейчас стоял, сучья были так велики, что служили опорой огромным зданиям, соединявшимся дорогами и шоссе, по которым ездили маленькие колесные транспортные средства. Там, где ветви загибались кверху, дорожное полотно следовало их изгибам и виляло как попало, и там к ребристому, испещренному капями, корявому стволу дерева жались домики поменьше. Ветви помощней поддерживали мосты, дома, балконы и террасы. Даже относительно небольшие веточки и совсем молодые побеги были достаточно велики, чтобы на них строили винтовые лестники, бельведеры, мансарды и павильоны. Листья были в основном зелеными, кое-где начинали желтеть, и величиной превосходили паруса самых огромных морских кораблей. Отовсюду доносились звуки: мерный рокот автомобилей, шум людских шагов и тихий шелест листьев.

Медленное колебательное движение туда-сюда и вниз-вверх, которое он заметил прежде, происходило оттого, что как дерево в целом, так и тот сук, на котором они стояли, мерно покачивались на ветру.

Доктор Меджейар теперь была одета во что-то вроде летного костюма с темными широкими крыльями и перепонками. Он ощутил какую-то перемену в себе и глянул вниз. И он сам теперь тоже носил что-то похожее.

Девушка улыбнулась.

— Вы были неподражаемы, майор Ватуэйль. А теперь можно и отдохнуть, не так ли?

Он кивнул и обернулся. Кабинет стал крестьянским домиком с луковкой, уставленным богато украшенной деревянной мебелью.

— Полетели? — предложила доктор Меджейар и вприпрыжку кинулась через усеянный мхом простор. Какая-то машина — с откидным верхом и на высоких колесах, выглядевшая как музейный экспонат, — сердито фыркнула ей вслед, когда она перебегала дорогу. Потом она исчезла — как раз там, где сук уходил круто вниз. Он последовал за ней, но потерял ее из виду на пару мгновений, а затем разглядел снова — уже в воздухе. Она кувыркалась на воздушных течениях, ее фигурка сделалась крупней, когда распахнулись крылья и потянули ее вверх, и она взлетела резко, как коршун.

Наверное, она начала разбег вот с этой длинной платформы, похожей на широкую доску для серфинга. Он начал вспоминать. Он уже был здесь прежде. Много раз.

Это невозможное, непостижимое дерево. И полет.

Много раз до того.

Он пробежал по платформе и швырнул тело в воздух, раскинув руки, придав ногам форму буквы V. Теплый воздушный поток подбросил его вверх.

Он полетел.

Земля — реки и поля — была в километре под ним. Крона дерева — на том же расстоянии над ним.

Доктор Меджейар — темная фигурка высоко в небесах — летела по восходящей медленно искривлявшейся траектории. Он не сразу приноровился к летному костюму, помахал руками, нелепо кренясь, но все же взмыл следом.

Он увеличивал скорость, стремясь догнать ее. Они поднимались все выше и выше в потоках теплого воздуха — к верхушке исполинского, немыслимого дерева. Он прокричал какое-то приветствие.

Девушка улыбнулась в ответ и что-то сказала.

Они кружились на теплых ласковых воздушных течениях, невесомые, как перышки, и шум ветра был отнюдь не так силен, чтобы заглушить ее слова.

Он подлетел ближе, держась в метре от нее.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Я сказала: *Я не на твоей стороне*, — ответила доктор.

— Разве?

Он недоверчиво усмехнулся.

— И за установленными по обоюдному согласию пределами конфликта Военная Конвенция теряет смысл.

— Что? — переспросил он.

Внезапно летный костюм разорвался на клочки, будто сотни остро отточенных лезвий пронзили его разом. Он полетел вниз, крича и зовя на помощь.

И пока он совершал один отчаянный кувырок, дрожа и стуча зубами от предельного ужаса, с исполинского дерева облетела вся листва. Ствол вспыхнул и задымился. Ветви и сучья усохли и осыпались на землю под порывами смертоносно жаркого ветра, как переломанные кости.

Его падение ускорялось, бесполезные лохмотья, бывшие некогда летным костюмом, полоскались за спиной, и клочья темной материи облекали его члены, будто языки черного огня.

Он завопил не своим голосом, охрип, захлебнулся, набрал полную грудь воздуха и заорал опять.

Темная ангелица — доктор Меджейар — беззвучно снизилась и поравнялась с ним. Она была спокойна и сдержанна, движения ее — исполнены изящества.

Он был вне себя от ужаса.

Она была очень красива. Руки превратились в огромные черные крылья, черные волосы ниспадали на плечи. Минималистичный костюм не скрывал, но скорее подчеркивал формы прекрасного темнокожего тела. Она могла сейчас любого свести с ума.

— Вы пытались взломать наши коды, *полковник*, — сообщила она, — а это против правил войны. И следовательно, вы сами более не под защитой Кон-

венции. Хакерство приравнивается к шпионажу. А шпионам пощады у нас нет. Смотрите!

Он посмотрел вниз.

Там были огненные ямы, кислотные реки и леса заостренных кольев. На некоторых уже корчились в агонии обнаженные тела.

Ад стремительно приближался. Оставалось несколько секунд полета.

Он закричал так, что чуть не оглох.

Все замерло. Он продолжал смотреть на огонь, дым и жуткие сцены пыток под собой, но падение прекратилось.

Он попытался отвернуться, но не смог.

Темная ангелица сказала наставительным тоном:

— Вы даже этого не заслуживаете.

Ее челюсти резко клацнули, и после этого он умер.

*

Ватуэйль сидел за своим столом в пространстве Трапеции, медленно раскачиваясь туда-сюда и время от времени фыркая под нос.

Он ждал. Остальные появлялись один за другим. Можно было отличить друзей от врагов по тому, кто встречал его взгляд, а кто старался отвести глаза. Те, кто всегда считали попытки хакнуть код Преисподней вздорной затеей, пустой тратой драгоценного времени и ресурсов — по сути, лишь слегка усложненным способом оповестить Врага, что они вконец отчаялись, — глядели на него и усмехались. Те, кто был одного с ним мнения, приветствовали его кратким кивком и на мгновение обменивались взглядами — и это было все. Когда он пытался задержать на них взгляд, те отворачивались, кусали губы, вычесывали шерсть, вычищали грязь из-под ногтей на лапах.

— Не получилось, — возвестил желтый вместо вступления.

М-да, информативное начало, подумал Ватуэйль. *Впрочем, не то чтобы у нас каждая минута на счету...*

— Не вышло, — согласился он и взялся распутывать колтун красной шерсти на брюхе.

— Думаю, всем тут понятно, что нас ждет на следующем уровне, — сказал пурпурный, — и в чем состоит последнее средство.

Они переглянулись, и это каким-то образом облекло должной степенью формальности смущенные взгляды, кивки и неразборчивое ворчание.

— Позвольте мне внести ясность, — подхватил Ватуэйль, помедлив пару мгновений. — Мы собираемся перенести войну в Реальность. Мы намерены презреть и отбросить правила конфликта, установленные по взаимному согласию в самом начале. Мы обсуждаем возможность отбросить установления, которые мы так трепетно взлелеяли, которые отстаивали, по которым жили и сражались так долго. Мы собираемся объявить все, чем мы были заняты последние три объективных десятилетия, чему мы полностью отдавали свои жизни, ерундой и пустышкой. — Он остановился и оглядел собравшихся. — Речь идет о Реальности. Там нет перезагрузок. Есть, конечно, дополнительные жизни, но не для всех. Муки и смерть, которые мы можем претерпеть, будут вполне реальны. И так же реален будет позор, которым мы можем покрыть себя на веки вечные. Готовы ли мы к этому?

Он снова бросил взгляд на каждого и передернул плечами.

— Я готов. Я знаю точно. А вы?

— Мы прошли через все это вместе, — сказал зеленый. — И все вместе...

— Я знаю, но...

— А нет ли...

— А нельзя ли...

Ватуэйль возвысил голос.

— Я предлагаю решить дело голосованием. Идет?

— Идет, и давайте не будем больше тратить время впустую, — сказал пурпурный, пристально глядя на Ватуэйля.

Они проголосовали.

Затем вернулись за свои столы. Кто-то сидел неподвижно. Кто-то покачивался на веревках. Воцарилось полнейшее молчание.

— Да здравствует хаос, — проронил желтый. — Война за Преисподнюю превратит Реальность в Ад.

Зеленый вздохнул.

— Ну, знаете, если что-то пойдет *не так*... — сказал он, — ох-х, ребята... они нам десять тысяч лет этого не простят.

Пурпурный фыркнул.

— Сомневаюсь, что они простят нас даже через миллион лет, даже если все пройдет как по маслу.

Ватуэйль тяжело вздохнул и медленно покачал головой.

— Храни нас судьба, — сказал он.